

Оглавление

Книга первая
СОЖЖЕННЫЙ

7

Книга вторая
ШОКОЛАДНИЦА

329

Книга первая
СОЖЖЕННЫЙ

1

29 октября 20... года в г. Эрфурте, Тюрингия, на Соборной площади был сожжен на костре Томас Земан, известный также под именами Ирис Мирра и Иван Ильин. Имен у казненного было столько, что их перечень, как пошутил господин Инквизитор, занимал почти половину следственного дела.

«Кажется, что он брал себе каждый день новое имя», — добавил Инквизитор, улыбнувшись журналистам.

Погода была серой, влажной, дул северный ветер. Это не смутило огромное число туристов, съехавшихся в Эрфурт, чтобы полюбоваться редким для современной Германии зрелищем. Похоже, вернулись добрые старые времена, когда убеждения воспринимались настолько серьезно, что за них могли предать огню.

Публика запаслась зонтами на случай дождя и миниатюрными термосами с кофе или глинтвейном на случай, если казнь затянется. «Бин, бин, бин», — гремели колокола.

Томас, одетый несколько карнавально, стоял у столба и потирал озябшие ладони. До этого он видел, как горят люди, только в кино. Теперь испытать это придется самому. Хотя ему уже не будет ни-

какой разницы. Или всё-таки почувствует? Он нервно зевнул.

В толпе, ближе к трамвайным путям, стояли двое.

Один, похожий на турка, вертел зонтом. Вторым отличался невнятной чертой, характерной для славянской расы.

Когда казнь закончится (когда-нибудь это должно кончиться), они быстро пойдут в его квартиру на улице Картезианцев, Картойзерштрассе. Идти недалеко. Там они будут изучать его записи. Они представляют значительный интерес, аине гротеске интересе.

Оба агента, славянин и турок, мерзнут и поглядывают друг на друга.

Выступление господина Инквизитора, который позавчера специально прибыл из Брюсселя, уже прозвучало. Вышел человек в белом халате, блеснул шприц. Сейчас бедняге сделают усыпляющий укол. Вы сказали «бедняге»? Хорош бедняга, хотел уничтожить весь мир. И всё же он достоин сожаления. Мог бы найти лучшее применение своим способностям. Я встречал его пару раз на улице. Кто бы мог подумать.

Томас сдвинул рукав карнавального хитона. Доктор стал протирать ему руку спиртом.

2

Стол, за которым сидит Инквизитор, покрыт парчовой скатертью. За казнию он следит вполглаза, достает и проверяет хэнди*. В час обед в ратуше, потом еще пара часов до самолета. Можно поваляться

* Мобильный телефон (нем.). (Здесь и далее примеч. автора.)

с книгой или пройтись по городу. Ни то ни другое не получится. Он будет срочно дописывать отчет, сейчас пришел ремайндер*. Отчет о казни, а темплейтов** нет, придется всё самому, с нуля, как всегда.

Он проводит пальцем по парче. На материи остается темный шелковистый след. Вот и дождь. Над публикой расхлопываются зонты. Снова пискнул хэнди. От кого? Из дома. Ты в порядке, милый? Да, дорогая.

Инквизитором его назначили два месяца назад, специально для этого процесса. Их не смутило, что он не духовное лицо. Процесс замышлялся как несколько карнавальным. Доля постмодернистской иронии, мягкой игры, господи. Только пламя должно быть настоящим, что поделаешь.

Раньше он занимался правами человека. Он и теперь ими занимается. Здесь должна стоять ссылка на его си-ви***.

Его си-ви. Крупными буквами имя. Фамилия. Родился. В тысяча. Девятьсот.

Остальное можно просто мазнуть взглядом. Никто их не читает, эти си-ви.

Между строчками начинают стучать капли. Это дождь с площади проник в сознание, а оттуда в си-ви. Темные зонты над толпой, красная парчовая скатерть.

Палач раскрывает зонт над осужденным.

Инквизитор подпирает ладонью подбородок. Два года он проработал в Страсбургском суде по правам человека. Ладонь теплая, подбородок холодный и слегка колючий.

* Напоминание (*англ.*).

** Образцов (*англ.*).

*** *CV, curriculum vitae* – автобиография (*лат.*).

3

Разве они не бывали в квартире Сожженного раньше? Сейчас отвечу, подождите. Глоток воды... Она была опечатана. Но дело не в этом; мало ли что может быть опечатано.

Разве они не бывали в его квартире?

Картойзерштрассе – улица Картезианцев. Шпассе бай зайте – шутки в сторону. Идет дождь – эз регнет.

Вы так и будете писать это на вашей кириллице?

Лучше держите ровнее зонт, коллега, у меня уже спина промокла.

Зонт выпрямляется.

Они стоят вдвоем, Турок и Славянин, затерявшись в толпе. Чуть поодаль фургон, где торгуют колбасками. Можно взять с горчицей, можно с кетчупом, не желаете?

Квартира на Картойзерштрассе стояла два месяца опечатанной. С того самого дня, как Томас Земан, он же Ирис, был арестован.

Когда за ним пришли, он как раз принимал ванну и тер мохнатую ногу, выставив ее из воды.

Нет, они не заходили внутрь. Арест произошел в подъезде, куда его выманили зеркалами и игрушками.

Он вышел в темном халате, с пеной в волосах. Он уже всё знал.

Квартиру тут же опечатали.

Вечером они побывают там. Зажгут свет, составят опись.

Идти сюда будут под новым дождем. Улицы будут обволакивать их запахом чистоты и бережливости. Фонари будут осторожно нести свой свет. Турок будет слегка покашливать: *khu-khu*.

Электричества в квартире не оказалось. *Khu-khu*. Зажгли пыльные свечи. Зажигал Славянин; Турок, покашливая латинизированным кашлем, раскрыл ноутбук. Свет от экрана осветил уставшее лицо.

«Может, утром зайдём?» — появилось сверху лицо Славянина.

«Утром здесь всё будет по-другому... ты знаешь».

Они говорили по-русски. На другом языке здесь говорить небезопасно.

Горело пять свечей. Потом зажгли еще семь, и мрак немного ушел.

Пальцы Турка прыгали по клавишам. На одном желтело кольцо.

Славянин осторожно сварил кофе.

Так они просидели почти всю ночь, не заметив, как дождь перешел в снег. Снег шел то медленно, то ускоряясь от ветра.

Над Эрфуртом шел снег.

К утру опись была составлена.

4

Когда он прибыл в Эрфурт, город встретил его солнцем и теплом. Цвели каштаны, в туристических местах толпились туристы.

В тот день его звали Иваном Ильиным.

Неплохое имя для первого знакомства с городом.

На вокзале его никто не встречал. Так было условлено, никакой помпы, *Iwan Iljin* найдет дорогу сам.

Он спустился с перрона вниз, прошел мимо пеших магазинов. Слева за большим стеклом жил вокзальный книжный. Когда-то книги его интересовали.

Иван Ильин толкает небольшой чемодан на колесах.

Он выходит из вокзала на полупустую площадь. Всё очень обычно. Ему нравится эта площадь. Ему нравится башня с часами. Ему нравится уютный трамвай, вырुливший из-под моста. Ему нравится небо над башней, облака, напоминающие пивную пену и взбитые сливки; странное сочетание, не так ли?

Он переходит площадь, колесики тарыхтят по брусчатке.

Заходит в булочную напротив вокзала. Берет поднос, вместе с чемоданом идет вдоль стойки. Удобнее было бы оставить его за столиком. Удобнее, но не безопаснее. Он берет один круассан и ускоритель времени (кофе).

Теперь мы хорошо видим его за столиком. Он заглядывает ускоритель времени, слегка притормаживая его круассаном.

Глядя на кирпичный вокзал, из которого несколько минут назад вышел, вспоминает вокзал в родном городе. Такой же кирпичный, конца девятнадцатого века. Из николаевского кирпича; теперь он снесен; даз ист шаде. Иван доедает круассан. Стрелка настроения медленно ползет вверх, проползает два деления и замирает. Подъезжающий трамвай закрывает стекло кафе с темнеющей за ним фигурой. Выходят на солнце люди. Разумеется, немцы. Все они немцы.

5

Это описание, коллеги, не соответствует действительности.

Звали его в тот день не Иван Ильин, а Курт Шмидт. И встретили его прямо на перроне; позвольте, я скажу: встретила женщина в светлых брюках

и не сочетавшейся с ними кофе. Герр Шмидт поставил чемодан и приветствовал ее рукопожатием. Имя ее для нашего дела значения не имеет, и приводить его нет смысла. Фрау. Фрау по имени Фрау. Она порывается помочь ему катить чемодан. Не поймешь, чего в этом больше: гостеприимства или феминизма. Нет, нет, он не устал. Сам... Сам...

Они спускаются вниз. Шуршит эскалатор.

Поезд Дойче Баан, на котором он прибыл из Франкфурта, остается наверху, блестя красным лаком.

Они идут по вокзалу молча; он слышит только свое дыхание, шаги и поклачивание колесиков чемодана. Проходят под электронным расписанием, выходят на площадь. Да, это та же самая площадь. Машина фрау Фрау припаркована недалеко, пять минут. Прекрасная погода, говорит он, освежая свой немецкий. Йа, йа, кивает она, вам повезло; на прошлой неделе шли сильные дожди. Она добавляет еще что-то, но он не понимает. На всякий случай улыбается и наклоняет голову. Не желает ли господин Шмидт, э, отдохнуть унд выпить кофе? (Кивок в сторону кафе.) Нет, спасибо, он пил кофе в экспрессе. (Это правда.)

6

Несколько слов о Сожженном — будем для удобства называть его так.

Томас Земан (Иван Ильин, Курт Шмидт...) родился в Самарканде, старинном и известном городе Азии. Там есть много зеенсвюрдихкайтен — достопримечательностей. Разумеется, он не обращал на них никакого внимания.

Детство этого человека протекло в хрущевке напротив Регистана. *Chruschjowka* — тесный дом, построенный при Хрущеве; Хрущев — правитель с лысой головой; Регистан — туристическое место, тщательно отреставрированное и мертвое. Томас засыпал и просыпался как в огромной открытке. В детстве он не замечал этой красоты; потом она стала его раздражать.

Теперь обращаюсь к вам, господа психоаналитики. Половое созревание наступило Сожженного рано, классе в третьем. Под азиатским солнцем быстро зреют не только яблоки, груши и помидоры.

Сожженный быстро наливался. Тело расширялось во все стороны, играло и выпрыскивало растительность в разных местах. Ум его за всем этим не поспевал.

Томас влюблялся, страдал, потел и не знал, что с собой делать. Сжав зубы с такой силой, что, казалось, выпадут две свежие пломбы, он глядел в окно на Регистан. По Регистану водили очередную экскурсию.

С зубами у него всегда были проблемы. Смеясь, прикрывал рот ладонью.

Позже он наведет порядок во рту. Передние зубы выстроятся в стройный керамический ряд. Течение времени во рту будет остановлено, тление и кариес прекратят свою плохую работу. Привычка прикрывать рот при смехе останется. Но смеялся теперь он редко, очень редко.

Теперь, господа психоаналитики, попросим вас немного подвинуться, вот так, еще немного, чтобы дать место господам этнологам. Господин Инквизитор, вы можете не подвигаться; ваш кофе будет готов через пять минут.